

ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ

Вадим
Устинов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1987

(1787)

Вадим Устинов

ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2023

Информация от издательства

Устинов В. Г.

Черный Принц / Вадим Устинов. — М.: Молодая гвардия, 2019. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1787).

ISBN 978-5-235-04743-3

Эдуард Вудстокский (1330—1376), принц Уэльский, прозванный Черным Принцем — один из известнейших исторических деятелей средневековья. Сын и наследник короля Англии, победитель французов в битвах Столетней войны, он казался современникам воплощением истинного рыцаря, храброго и галантного. Скептически настроенные потомки увидели принца иначе — типичным феодалом, равнодушным к смерти и страданиям жертв его военных авантюр. О том, каким на самом деле был принц Эдуард, чем он выделялся среди современников, рассказывает книга историка Вадима Устинова — первая русскоязычная биография Черного Принца.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

16+

© Устинов В. Г., 2019

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2019

Предисловие

ПРИНЦ, КОТОРОГО НИКОГДА НЕ НАЗЫВАЛИ ЧЕРНЫМ

Мода на ниспровержение устоявшихся представлений об исторических событиях и персонах родилась не в наше время. Безусловно, порой свежий взгляд полезен: новые источники и новые знания способны помочь историку подобраться к истине ближе, чем это удавалось его предшественникам.

Однако помимо исследований, цель которых заключается в восстановлении опороченной репутации того или иного исторического персонажа, нередко предпринимаются и прямо противоположные попытки. Одним из тех, кому «повезло» стать объектом посмертных нападок, оказался знаменитый английский воин и полководец Эдуард Вудстокский, принц Уэльский и Аквитанский, больше известный по прозвищу Черный Принц.

Современники в основном говорили о нем как о талантливом полководце, блистательном образце рыцарственности, знатном лорде, весьма сведущем в охоте и «куртуазной любви», увлекавшемся пирами и турнирами. Другими словами, он представлял собой идеальный тип рыцаря и полностью соответствовал канонам, насаждавшимся в позднем средневековье определенного рода литературой, ярким примером которой является роман «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь»^[1]. Герольд на службе сэра Джона Чандоса, верного сподвижника и близкого друга принца, описывал характер Эдуарда Вудстокского с очевидным пиететом:

Сей принц, рассказа моего герой,
Пленен с рожденья мыслью был одной:
Отвагу, верность, храбрость он считал
За истинно бесценный капитал.
И столь была в нем доблесть высока
И сила благородства велика,

Что, раз наметив в жизни верный путь,
Уже не помышлял с него свернуть —
Путь честности и правды торжество.
Воспитывали с детства так его¹, [2].

Историки в большинстве своем придерживаются традиционной трактовки характера Эдуарда Вудстокского до сих пор. Но представители высших классов британского общества в середине XIX века решили, что уровень достигнутой ими цивилизованности дает им моральное право осуждать любые проявления средневекового варварства. Они были достаточно образованны, чтобы ознакомиться с документальной базой, и у них начали вызывать сомнения хвалебные оды, которые пелись принцу современными ему хронистами.

Ревизионистам Эдуард Вудстокский представлялся алчным, бессердечным, высокомерным аристократом, бездарным администратором и неумелым политиком. Помимо этих общих упреков ему предъявлялось обвинение в крайней жестокости при осаде в 1370 году города Лимож, который был взят штурмом и разграблен, а 3000 жителей якобы безжалостно умерщвлены. В наставлении, произнесенном в июне 1852 года, каноник Кентерберийского собора Артур Пенрин Стэнли не только заявил о бессердечии Эдуарда Вудстокского, но и заподозрил его в сословном чванстве:

«Черный Принц, как и те, кто брал с него пример, проявлял рыцарственность, любезность и щедрость только к равным или к своим прямым вассалам, и не задумывался о том, как в принципе следует обращаться с представителями бедных, средних классов и с простолюдинами. Его мог тронуть вид захваченного в плен короля или храбрость трех французских джентльменов, но уши его не слышали, а глаза не видели плача и стонов отцов, матерей и детей из беднейших горожан, которые не были связаны с ним законами чести и рыцарства»².

Инициативу священника подхватила Луиза Крейтон — автор исторических и философских книг, известный лидер британских суфражисток, активно борющаяся за права женщин. В своей биографии Черного Принца она по сути лишь повторила главные тезисы из наставления Стэнли — правда, уже от себя снабдив их снисходительной ссылкой на средневековые нравы:

«Разграбление Лиможа демонстрирует нам темную сторону рыцарства. Мы не должны слишком уж винить за это Черного Принца. Принося в жертву своей мести невинных жителей целого города, он лишь действовал в духе того века, в котором он жил. Взгляды, в духе которых он воспитывался, не учили его уважать человеческую жизнь как таковую. Достойные жалости страдания женщин и детей не вызывали у него таких же сильных эмоций, как отважное поведение латников в бою. Именно в этом и состояла суть рыцарства, все привлекательные стороны которого не могут заставить нас простить ему пренебрежение человеческими страданиями. Несомненно, это ужасное разграбление — позорное пятно на репутации Черного Принца; но вряд ли стоило надеяться на то, что он мог подняться над своим веком»³.

В средневековье гибель сотен мирных жителей во время штурма города не считалась чем-то из ряда вон выходящим, однако хладнокровное убийство 3000 горожан и тогда расценивалось как поступок возмутительный и позорный. К примеру, репутация Ричарда I Львиное Сердце была порядком подпорчена его решением казнить такое же количество пленных сарацинов в 1191 году после взятия Акры во время Третьего крестового похода. Благодаря доброхотам-энтузиастам разорение Лиможа оказалось черным пятном в биографии Эдуарда Вудстокского — правда, чуть ли не единственным. Именно поэтому для нас так важна эта, казалось бы, малозначительная осада, и мы в нашей книге уделим ей достаточно много внимания.

Естественно, источники XIV века немногочисленны и ненадежны. Весьма часто они сознательно вводили читателя в заблуждение, искажали факты в угоду взглядам авторов или интересам их знатных покровителей. Не стоит забывать, что Англия и Франция находились тогда в напряженном противостоянии, в которое было втянуто большинство стран Европы — это еще больше усиливало политизированность большинства сочинений. Но хотя хронисты и поэты порой преувеличивали достоинства своих кумиров, отметить без разбору их свидетельства было бы неправильно — все-таки они являлись очевидцами тех давних событий.

Подобно своему отцу королю Эдуарду III, принц сознательно стремился вести себя как герой рыцарского романа. Артуровские идеалы настолько прижились к английскому двору, что неминуемо должны были найти свое реальное воплощение. Это случилось, когда король создал некое подобие Круглого Стола, чуть позже трансформировавшееся в знаменитый орден Подвязки.

Принц на самом деле обладал множеством несомненных достоинств. От отца он унаследовал мощное телосложение и с успехом участвовал в турнирах. Будучи совсем юным, он мечом заработал себе репутацию храбреца — и это в век, когда доблестных рыцарей в любой стране было хоть отбавляй, а подвиги на поле боя считались делом совершенно обыденным. Кто, как не Эдуард Вудстокский, командовал английским авангардом в одной из самых известных битв европейского средневековья — в 1346 году при Креси? Кто, как не он, уже во главе армии, разгромил во втором знаменитом сражении — при Пуатье в 1356 году — многократно превосходящие по численности войска противника и захватил в плен самого короля Франции?

Кто женился по любви в возрасте 31 года, с легкостью поломав хитроумные династические брачные схемы? Это был уникальный для того времени поступок, куда более смелый, чем пресловутое отречение короля Эдуарда VIII, который якобы предпочел трону семейное счастье. Кто держал в Аквитании

блестящий двор, вызывавший зависть всей Европы? Кто настолько успешно управлял своими имениями, что умудрялся покрывать за счет доходов с них большую часть тех колоссальных военных расходов, которые возлагались королем на его плечи? Снова тот самый Эдуард Вудстокский, которому пытаются отказать даже в минимальных способностях администратора.

Принц вовсе не был неотесанным драчуном и мотом. Он получил достаточно хорошее для того времени образование и при случае демонстрировал изящный вкус. Например, при проведении строительных работ в своих манорах Эдуард предпочитал пользоваться услугами знаменитого архитектора Генри Йевеле или мастера Хью из Сент-Олбенса^[3], далеко не последнего среди художников. Что касается его безудержных трат на доспехи, коней и драгоценности, то большая часть этого добра раздавалась в качестве наград и подарков сподвижникам.

Кстати сказать, свое грозное прозвище, так хорошо известное потомкам, при жизни Эдуард не носил. Оно намертво пристало к его персоне уже в более поздние времена, но когда и почему — доподлинно неизвестно, хотя на этот счет существует несколько теорий. Вероятнее всего, впервые прозвище «Черный Принц» упомянул в 1540-х годах английский поэт и антиквар Джон Леланд, прозванный отцом английского краеведения и библиографии. В своей работе «Collectanea» («Коллекция»), представляющей собой антологию произведений более ранних авторов по британской истории, он использовал хронику доктора богословия и клирика Джона Уоркворта. Пересказывая ее, Леланд писал: «Черный Принц (в тексте *Blake Prince*. — В. У.) выиграл битву с французами у Шовиньи. Черный Принц взял в плен короля Жана Французского и его сына Филиппа в битве при Пуатье»⁴. Вторично Леланд использовал это прозвище при изложении другой хроники — «*Eulogium historiarum*» XIV века, — но уже на латыни: «Там же (в битве при Креси. — В. У.) принц Эдуард стал известен под именем Черного (в тексте *Nigri*)»⁵.

Интересно однако, что в оригинальных текстах хроники Уоркворта и «Eulogium», послуживших антиквару исходным материалом, нигде не встречается прозвища «Черный Принц». Отсутствует оно и в еще более старой «Хронике Брута», изданной английским первопечатником Уильямом Кэкстоном, а затем скопированной Уорквортом. Но начало было положено: вслед за Леландом прозвище использовал Рафаэл Холинshed, английский хронист второй половины XVI века: «По достижении зрелости его обычно звали принц Эдуард, прозванием его также было Черный Принц»⁶. Поскольку работа Холиншеда послужила основным источником исторических знаний для Уильяма Шекспира, то великий драматург, ничтоже сумняшеся, и в этом последовал за своим наставником:

Припомним самый черный наш позор —
Проигранную битву при Креси,
Когда все принцы были взяты в плен
Рукой и черным именем Эдварда
Уэльского, что звался Черным Принцем⁷.

После того, как исторический факт оказался запечатленным в творении мэтра английской драматургии, он вполне ожидаемо перешел в категорию общеизвестных и не подлежащих сомнению.

Существуют и альтернативные теории. Ряд ученых предполагают, что прозвище закрепилось за принцем Уэльским не в XVI столетии, а веком ранее — во времена правления короля Эдуарда IV, который взошел на престол в 1461 году. Почему? Очень просто: некоторые хроники именуют Эдуардом IV самого принца — как бы предвосхищая его вступление на престол. К примеру, глава 185 упоминавшейся выше хроники «Eulogium» носит название «Itinerarium Eduardi Quarti» («Путешествие Эдуарда Четвертого») и описывает поход принца на Бержерак и Перигор в 1356 году⁸. Точно так же флорентийский банкир и хронист Джованни Виллани называет принца Эдуардом IV, сыном короля Англии и принцем

Уэльским⁹. Естественно, что после вступления на трон графа Марчского, получившего при коронации имя Эдуарда IV, могла возникнуть совершенно неприличная путаница. Поэтому из более поздних редакций хроник слово «Четвертый» исчезло и вместо него появилось прозвище «Черный Принц».

Таким образом, ответ на вопрос: «когда?» — худо-бедно найден. Остается выяснить: «за что?» На этот счет высказано множество догадок. Большинство комментаторов склоняется к тому, что прозвище связано с черным цветом доспехов, которые якобы носил принц. Однако такое предположение абсолютно ничем не подкреплено — впрочем, как и все остальные. Согласно менее распространенной трактовке, это прозвище французского происхождения, а получил его принц за безжалостные набеги на земли Южной Франции и за блестящие победы в битвах, наводившие на врагов ужас. Наконец, некоторые исследователи поддерживают версию о том, что прозвище «Черный Принц» действительно порождено цветом доспехов, но скорее из-за традиции их живописного изображения, нежели из-за того, что Эдуард Вудстокский носил такие в реальной жизни¹⁰. Как бы то ни было, с уверенностью можно утверждать лишь одно — прозвище стало общепризнанным уже в XVI веке.

В заглавии этой книги Эдуард фигурирует именно как Черный Принц — таким образом мы отдаем дань многовековой традиции. Но по ходу повествования мы будем следовать исторической правде и именовать его так же, как современники — Эдуардом Вудстокским, графом Честерским, герцогом Корнуоллским и, наконец, принцем Уэльским и Аквитанским.

Часть первая

ЧЕСТНАЯ ЮНОСТЬ ВОИНА

Глава первая

НАСЛЕДНИК ПРЕСТОЛА

Конец первой четверти XIV века был далеко не самым безмятежным периодом в истории Англии. Дурное правление короля Эдуарда II Карнарвонского довело страну до весьма плачевного состояния. На севере приграничным областям угрожали шотландцы, значительная часть Ирландии была потеряна, от богатейшего французского наследства короля Генри II^[4], двумя столетиями ранее включавшего в себя Анжу, Мен, Турень, Бретань, Нормандию, Пуату и Аквитанию, остался только жалкий кусочек земли вокруг Бордо.

Изнутри страну раздирали гражданские смуты, двор погряз в интригах. Король отдавал решение важных вопросов на откуп своим фаворитам, которые беззастенчиво пользовались монаршим доверием для собственного обогащения. В конце концов взбалмошный Эдуард II был свергнут собственной женой, королевой Изабеллой, и ее любовником Роджером де Мортимером^[5] — мятежником, бежавшим во Францию из заточения в Лондонском Тауэре. Изгнанники заручились поддержкой Вильгельма Геннегауского^[6], причем континентальная помощь была оплачена не только деньгами, но и помолвкой наследного принца Эдуарда с дочерью графа Филиппой. Справедливости ради надо отметить, что дети искренне полюбили друг друга. Видимо, насмотревшись в детстве безобразных сцен между родителями, наследник английского трона не хотел повторения печального опыта семейной жизни без любви. Так или иначе, глубокое чувство к Филиппе Геннегауской он пронес через всю свою жизнь — по крайней мере, до тех пор, пока находился в здравом рассудке.

Парламент, собравшийся в Лондоне, 7 января 1327 года официально низложил Эдуарда II и провозгласил королем его сына, которому к тому времени исполнилось всего лишь 14 лет.

По малолетству юного Эдуарда III страной должен был управлять регентский совет. Реальную власть, однако, прибрал к рукам организатор свержения незадачливого монарха Роджер, лорд Мортимер Уигморский, получивший титул графа Марчского. С явным сожалением современники констатировали:

«Король во время коронации был молод, в юном возрасте, и многие обиды были нанесены во время незаконного правления его отца, который доверял советникам, дававшим ему дурные советы вопреки здравому смыслу. Это причинило большой вред королевству, королю, всем людям, и привело к гибели короля... Посему на коронации было решено, что королем из-за его юного возраста должны руководить двенадцать великих лордов Англии, без которых ничто не должно вершиться — а именно: архиепископ Кентерберийский, архиепископ Йоркский, епископ Уинчестерский и епископ Херефордский, граф Ланкастерский, дядя короля граф-маршал и граф Кентский, граф Саррейский, бароны сэра Томас Уэйк, сэра Генри Перси, сэра Оливер Ингэм и Джон Рос... Но порядок был вскоре нарушен, что принесло много бед и вреда всей Англии. Ибо король и все лорды, которые должны были им руководить, сами подпали под власть матери короля дамы Изабеллы и сэра Роджера де Мортимера»¹.

Никаких перемен к лучшему, на которые с приходом новых правителей надеялась вся страна от простолюдинов до знати, не случилось. Это было тем более прискорбно, что в ближайшее окружение королевы Изабеллы входило несколько вполне способных администраторов — например, Адам Орлтон, епископ Херефордский, или Генри де Бергерш, епископ Линкольнский. Внутреннюю и внешнюю политику государства практически единолично определял Роджер Мортимер, и она вызывала всеобщее недовольство. Фавориту небезосновательно вменялось в вину присвоение двух третей всех доходов страны, заключение на невыгодных условиях мира с Францией и Шотландией, бесстыдное выставление напоказ интимных

отношений с королевой Изабеллой и, наконец, убийство низложенного короля, заточенного в замке Баркли.

Отстраненный от реальной власти, юный Эдуард III значительную часть времени посвящал делам семейным — 24 января 1328 года в Йоркском соборе он сочетался браком со своей любимой Филиппой Геннегауской. Полтора года спустя она забеременела, и Эдуард III решил ее короновать. Торжественная церемония состоялась 4 марта 1330 года, а в апреле Филиппе был придан собственный двор, содержать который она должна была за счет доходов с пожалованных ей владений.

Шумный и беспокойный Лондон, на протяжении всей английской истории бывший средоточием политических бурь, вряд ли был подходящим местом для женщины в положении. Поэтому заботливый муж отправил ее в небольшой замок Вудсток, уютно расположившийся среди полей и королевских заповедных лесов Оксфордшира. Когда-то здесь, на берегу спокойной неширокой реки Глайм, стоял скромный охотничий домик, а затем на его месте король Генри II выстроил замок. К сожалению, до наших дней он не сохранился — как и многие другие старинные крепости, его безжалостно разрушили во время гражданской войны 1642—1651 годов.

В праздник святого Вита и святого Модеста, приходившийся на 15 июня 1330 года, Филиппа родила мальчика, которому впоследствии суждено было прославить мощь английского оружия на всю Европу. По традиции малыша назвали в честь отца, деда и прадеда, а прозвище свое он получил по месту рождения. Эдуард Вудстокский — именно под этим именем знали его современники.

* * *

Как только наследник появился на свет, фрейлина королевы Кэтрин Монтекьют спешно отправила гонцов — одного к королю, другого к номинальному главе регентского совета Генри Ланкастерскому^[7]. Получив ожидаемое, но от того

не менее желанное известие, молодой король не скрывал своей радости. Он отдал приказ щедро наградить посланника: «Пожаловать Томасу Прайору, королевскому йомену, за радостные новости о рождении Эдуарда, первородного сына короля, ежегодный пенсион в 40 марок из казначейства пожизненно, либо пока он не получит равноценные земельные владения или ренту»².

Пришел в восторг от сообщения и граф Ланкастерский, пожаловавший прибывшему к нему гонцу Питеру Эктону ежегодный пенсион в 10 марок за весть о рождении законного наследника трона. Слух об этом знаменательном событии мгновенно облетел всю Англию, несмотря на то, что в те времена новости доходили до отдаленных уголков страны с большим опозданием, если вообще доходили. Во всех церквях звонили колокола, а священники возносили благодарственные молитвы Господу.

Крестным отцом мальчика стал тот самый Генри де Бергерш, епископ Линкольнский, который в свое время поддержал бунт Роджера Мортимера и Изабеллы, за что получил от фаворита важнейший пост лорда верховного канцлера Англии. Однако симпатии опытного государственного деятеля были на стороне юного короля Эдуарда III и его семейства, а не всесильного временщика графа Марчского.

Малыш рос здоровым и крепким, поэтому современники не сомневались, что королева Филиппа сама кормила сына грудью — существовало поверье, что силу ребенок получает с материнским молоком. Однако вернее будет предположить, что своим завидным здоровьем Эдуард Вудстокский был обязан генам предков, поскольку Филиппа сына не вскармливала, да и не собиралась этого делать. В Оксфорд, находившийся всего в 15 километрах от Вудстока, послали за кормилицей для младенца, а также за нянькой, которая должна была качать его колыбель. Это доподлинно известно из более поздних бухгалтерских записей в расходной книге Эдуарда Вудстокского, щедро вознаградившего женщин за их заботы. Обе они получили

пенсион: кормилица Джоанна из Оксфорда в размере 10 фунтов в год, а нянька Матильда Пламpton — шесть фунтов, 13 шиллингов и четыре пенса. Но и после этого принц, умевший на деле доказывать благодарность верным слугам, не забывал про своих первых служанок, время от времени отправляя им щедрые подарки. Например, в 1357 году им было отдано следующее распоряжение: «Приказ Генри Блейкборну, клерку и казначею двора принца, проследить, чтобы бочка вина была доставлена Джоанне из Оксфорда, когда-то кормилице принца, в качестве дара от принца»³.

С момента своего рождения мальчик считался графом Честерским. Таков был титул старшего сына короля Англии в течение почти ста лет — с тех пор как король Генри III Уинчестерский^[8] пожаловал им своего наследника. Графство, расположенное на северо-западе страны, издревле пользовалось привилегиями палатината, то есть представляло собой практически независимую область, владелец которой обладал в ее пределах властью, равной королевской. Эта земля была населена воинственными жителями, закаленными многовековой борьбой с соседними валлийскими племенами. Много выходцев из графства подвизалось впоследствии при дворе принца, составляя значительную часть его дружины. Чеширцами были соратники и самые доверенные слуги принца — профессиональные воины Хью Калвели и Роберт Ноллз, а также будущий сенешаль Руэрга сэр Томас Уэтенхолл. Именно в этом графстве Эдуард набирал свои экспедиционные отряды для нескольких кампаний.

Но все это было делом будущего. А пока до своего совершеннолетия мальчик не имел права даже самостоятельно управлять землями и получать с них доходы. Королевский совет назначил арендатора, который взял на себя заботы об имуществе графа Честерского и выплачивал ему содержание, покрывавшее личные расходы графа и его придворных: «Пожалована на содержание двора Эдуарда, королевского сына, ежегодная сумма в 500 марок из 1000 марок, выплачиваемых

Оливером де Ингэмом, судьей Честера, за аренду этого графства. Указанному Оливеру поручается выплатить их хранителю гардероба принца»⁴.

На самом деле, к тому времени Эдуард Вудстокский еще не обзавелся собственным двором — ведь он был несмышленным грудным младенцем и находился на попечении матери, королевы Филиппы, которой и причиталась, вероятно, некоторая часть с доходов сына. Но, несмотря на свой возраст, малыш сразу после рождения начал оказывать серьезнейшее влияние на развитие событий в Англии.

Рождение наследника коренным образом изменило поведение Эдуарда III и его друзей. До этого и король, и регентский совет покорно следовали в русле политики фактического правителя страны Роджера Мортимера, безропотно выполняя его указания. Но под личиной покорности многие магнаты скрывали недовольство своим зависимым положением. И больше всех тяготился навязанной ему неприглядной ролью статиста при властолюбивом временщике номинальный глава регентского совета Генри Кривая Шея. Граф Ланкастерский чувствовал себя тем более неудобно, что его жизни грозила серьезная опасность. Годом ранее он уже предпринял попытку избавить Англию от Мортимера, подняв мятеж. Однако заговор провалился, и его вдохновитель чудом сохранил жизнь, отделавшись уплатой огромного штрафа в 11 тысяч фунтов.

Граф Марчский ничего не забыл и ничего не простил. Он хорошо понимал, что угроза его положению исходит прежде всего от близких родственников короля, которые имели куда больше прав на доступ к государственному кормилу, чем он. Фаворит уже добился казни Эдмунда графа Кентского^[9], обвинив его в измене без веских доказательств и заставив без памяти влюбленную Изабеллу повлиять на Эдуарда III, под давлением матери утвердившего приговор. Будучи двоюродным дядей короля, да к тому же официальным

регентом королевства, Генри Кривая Шея не без оснований полагал, что он — следующий в очереди на плаху.

Граф Ланкастерский не хотел упускать подходящего момента: по его мнению, после рождения наследника Эдуард III не должен был долее терпеть около себя закусившего удила любовника Изабеллы. Действительно, теперь король считал себя полностью состоявшимся мужчиной, не нуждающимся в материнской опеке. Через пару месяцев, в ноябре ему исполнялось 18 лет — то есть он становился совершеннолетним. Граф Ланкастерский всемерно укреплял желание Эдуарда III покончить с правлением Мортимера. Он заручился поддержкой двух самых близких к королю людей — его воспитателя и лорда хранителя малой печати Ричарда Бери, а также Уильяма лорда Монтекьюта^[10]. Эти двое без труда убедили короля участвовать в заговоре.

В октябре 1330 года королевскому совету было приказано собраться в Ноттингеме. Роджер Мортимер, как будто чувствуя угрозу, держался крайне осторожно. Он с королевой Изабеллой остановился в неприступном замке на западной окраине города, где устроил свою временную резиденцию. Однако констебль замка сэр Уильям Эланд показал своему другу лорду Монтекьюту тайный ход. Во главе небольшой группы рыцарей Эдуард III ворвался в покои фаворита и арестовал его, несмотря на мольбы и протесты королевы-матери. Под сильным конвоем Мортимера препроводили в Лондон и осудили на смерть как предателя. Обширные владения Изабеллы и графа Марчского отошли короне.

После казни Роджера Мортимера большинство его приверженцев попали в опалу. Впрочем, вскоре король восстановил многих из них в прежних должностях, хотя и не приближал их к себе. Этой участи избежали лишь единицы — в частности, Адам Орлтон, епископ Херефордский, и Генри де Бергерш, епископ Линкольнский, который был крестным Эдуарда Вудстокского. Во власть пришли новые люди — верные слуги и друзья короля, рискнувшие выступить вместе с ним

против всесильного фаворита: Уильям лорд Монтекьют, Уильям лорд Клинтон, а также сын главы регентского совета Генри Гросмонтский.

Невольный катализатор заговора, малыш Эдуард Вудстокский, выиграл от падения Мортимера едва ли не больше непосредственных участников Komplota. С 25 февраля 1331 года на его содержание направлялась уже не часть доходов графства Честерского, как раньше, а все поступления без изъятия. Распоряжалась ими его мать Филиппа Геннегауская, а не назначенный арендатор, хотя баннерета^[11] Оливера Ингэма никто не осмелился бы упрекнуть в безответственном отношении к своим обязанностям.

Участие мальчика в большой политике на этом не кончилось, пусть выступал он в ней пока что не субъектом, а лишь объектом. Еще не умея говорить и едва-едва научившись ходить, Эдуард Вудстокский вновь оказался в центре интриг — правда, на этот раз дипломатических. Не успели закончиться пышные празднества, устроенные в честь его первого дня рождения, а королевский совет уже начал обсуждать планы по заключению брачного союза между наследником английского трона и представительницей королевской семьи Франции — для налаживания отношений с могучей континентальной державой. В июле 1331 года за Ла-Манш отправились послы, уполномоченные вести переговоры о женитьбе графа Честерского. Параллельно 15 июля король отослал из Линкольна письма своим представителям в Юго-Западной Франции — сенешалю Гаскони и коннетаблю Бордо, — извещая их о предпринятых шагах: «Заявляем и подтверждаем, что между нами и высокороднейшим принцем государем Филиппом, славным королем Франции, было достигнуто соглашение о помолвке и браке между нашим перворожденным сыном Эдуардом и дочерью упомянутого короля Франции»⁵.

Переговоры тянулись годами без какого-либо видимого результата. Представители сторон постоянно отвлекались на другие темы — так, в ноябре 1331 года возникла идея

организации крестового похода, которая немедленно была включена в обсуждение. Что касается помолвки принца, то тут дело никак не могло сдвинуться с мертвой точки. Впрочем, оно и не являлось первостепенным для переговорщиков, поскольку брачные соглашения обычно только сопровождали межгосударственные договоры в качестве довольно-таки ненадежной гарантии их исполнения. Так сама по себе угасла первая попытка женить Эдуарда Вудстокского — но далеко не последняя, ибо подобные матримониальные шаги впоследствии предпринимались снова и снова, когда того требовала дипломатия.

* * *

Хотя наследник английского трона считался графом Честерским с момента своего рождения, его официальная инвеститура (вступление в должность) состоялась только 18 марта 1333 года. Сама церемония была по большому счету простой формальностью, но последовавшие за ней акты носили куда более практический характер. Они сформировали административный аппарат графства, в который вошли люди, пользовавшиеся безоговорочным доверием короля и составившие первый двор Эдуарда Вудстокского. Гувернером мальчика был назначен сэр Николас де Ла Беш, стюардом — Гийом де Сент-Омер, прибывший в Англию из Геннегау в свите королевы Филиппы. Его жена Елизавета стала наставницей графа Честерского. Должность казначея получил Джон Бёрнэм, придворного портного — Уильям Страттон. У малыша появился даже особый слуга, ответственный за раздачу милостыни и пожертвований. В главе двора наследника был поставлен Бартоломью де Бергерш, брат его крестного отца епископа Линкольнского.

Хотя Эдуард Вудстокский обрел свой апанаж, а также собственных слуг и чиновников, он не обосновался в графстве Честерском, как это можно было ожидать. Его по-прежнему опекала мать, которая решила остаться в тихом и спокойном

Вудстоке с сыном и двумя дочерьми, появившимися на свет вслед за ним — годовалой Изабелью и новорожденной Джоанной. Своего венценосного отца мальчик видел нечасто, поскольку дела заставляли того постоянно путешествовать по стране, а перенесшая третьи роды подряд королева нуждалась в покое и не видела особой необходимости следовать за мужем по всей Англии, передавая на это время детей в чужие руки.

Эдуард Вудстокский скучал по отцу. Однако на природе, в пасторальном уголке Оксфордшира ему жилось куда лучше, чем в шумном, многолюдном и грязном Лондоне или же в Йорке, временно ставшем военной столицей. Эдуард III прилагал немалые усилия, чтобы компенсировать провалы политики Роджера Мортимера, фактически потерявшего Шотландию. В 1332 году король отправился в экспедицию против северных соседей и 12 августа одержал победу при Даплин-Муре, возведя на шотландский трон Эдуарда Балиола. Новый правитель был всего лишь марионеткой в руках англичан, поэтому беспрекословно признал себя вассалом Эдуарда III. Но долго удерживать власть ему не удалось — он был низложен шотландцами, посадившими на трон малолетнего Дэвида II Брюса. Это вызвало вторую экспедицию, в которой англичане 19 июля 1333 года вновь разгромили врагов в битве при Халидон-Хилле и захватили пограничную крепость Берик. Дэвид II бежал в поисках убежища во Францию.

Французский король Филипп VI Счастливый не мог упустить такого предлога для вмешательства во внутренние дела своих извечных врагов. Он немедленно заявил, что Шотландия — его верный союзник, и ее интересы необходимо учитывать во всех договорах, касающихся Аквитании. Таким образом Филипп попытался обеспечить врагу зеркальное неудобство: для него самого герцогство Аквитанское было такой же занозой, как Шотландия для Англии.

К 1335 году отношения с Францией испортились настолько, что король Эдуард III начал всерьез опасаться вторжения с континента. Он приказал отправить своего наследника

подальше от морского побережья — в Ноттингемский замок. Эта древняя крепость была построена по приказу Уильяма I Завоевателя^[12] на плоской вершине скалы, возвышавшейся над речкой Лин — небольшим притоком Трента. Именно в этом замке заговорщики пятью годами ранее схватили всесильного фаворита королевы Роджера Мортимера.

Кортеж Эдуарда Вудстокского неспешно двинулся в Ноттингем. Сопровождавшие мальчика слуги, похоже, никуда особо не торопились и стремились получить от путешествия максимум удовольствия. Отчасти по этой причине граф Честерский надолго задержался в Питерборо. За время пребывания в городе его служащие успели не только заказать, но и получить из весьма отдаленного Йорка кое-какие необходимые для вояжа вещи, отсутствовавшие в Вудстоке:

«Охранная грамота выдана до дня святого Петра в оковах Джону де Пойнтону, которому поручено стюардом и казначеем Эдуарда графа Честерского, королевского сына, доставить некоторые вещи, приобретенные в Йорке, графу в Питерборо»⁶.

В конце концов, такое явное небрежение королевскими приказами вывело из себя Эдуарда III, который направил придворным сына повторное послание, содержавшее строгий приказ поторапливаться:

«Гийому де Сент-Омеру, стюарду, а также мастеру Дж. де Бёрнэму, казначею двора Эдуарда графа Честерского, королевского сына. Приказываем доставить указанного графа со всем его двором в Ноттингемский замок со всей возможной поспешностью, поскольку, из-за дошедших до короля новостей касательно состояния его королевства, он желает, чтобы граф был отправлен в безопасное место и оставался там до дальнейших распоряжений»⁷.

В Ноттингем Эдуард Вудстокский с сестрами прибыл только в конце лета. Там же, в кругу своих придворных, через четыре месяца он справил Рождество. Мальчик оставался под неусыпным надзором Гийома и Елизаветы де Сент-Омер до весны 1336 года, когда король решил, что сыну пора

приступить к более серьезным занятиям и начинать по мере сил приобщаться к политической жизни страны. К этому времени Эдуард III сумел взять под контроль большую часть Лоуленда^[13], включая крепости Роксборо, Эдинбург, Перт и Стерлинг. Он уже не опасался войны на два фронта и надеялся, что сможет отразить любую попытку французов высадиться в Англии.

Стремясь быстрее воплотить свою идею в жизнь, король приказал наследнику, не мешкая, прибыть в Лондон. Так кончилось беззаботное детство Эдуарда Вудстокского под нестрогой опекой гувернеров, ибо чета Сент-Омеров, исполнявшая обязанности скорее нянек, чем наставников, получила расчет: «Пожаловано Гийому де Сент-Омеру и Елизавете, его жене за их бескорыстную службу королю, а именно за постоянное пребывание с его сыном Эдуардом графом Честерским и его дочерьми, ежегодно 25 фунтов из казначейства пожизненно, или же пока они не получат равноценную земельную собственность пожизненно»⁸.

Сент-Омеры по-прежнему оставались в ближайшем окружении Эдуарда Вудстокского, но только вот учителя ему были теперь назначены другие. Будь на то его воля, мальчик с удовольствием оставался бы в Ноттингеме или Вудстоке под их крылом — подальше от Лондона, который ему совсем не нравился, хотя бывал он в столице лишь короткими наездами. Но с королевским приказом не поспоришь.

И вот граф Честерский уже появился на первом в своей жизни рыцарском турнире в специально сшитой для этого случая роскошной мантии. Знать королевства и простые лондонцы с энтузиазмом приветствовали шестилетнего наследника английского трона, которого многие имели счастье лицезреть впервые.

* * *

Отношения с Францией становились все более и более натянутыми, при дворе короля все чаще заговаривали о грядущей войне. Сам Эдуард III также не исключал подобного

развития событий и, предвосхищая их, решил укрепить лояльность своего ближайшего окружения, а заодно отблагодарить рыцарей, поддержавших заговор против Роджера де Мортимера и отличившихся в войнах против шотландцев. Генри Гросмонтский стал графом Дербийским, Уильям Монтекьют — графом Солсберийским, Уильям Клинтон — графом Хантингдонским. Получили высокие титулы еще три непосредственных участника тех событий: Роберт де Афффорд был возведен в достоинство графа Саффолкского, Уильям Боэн — графа Нортхемптонского, а Хью де Одли — графа Глостерского. Помимо естественного выражения признательности и желания покрепче привязать к себе бравых вояк, король преследовал еще одну, может быть, даже более важную цель — он хотел обеспечить будущих капитанов своей армии собственными средствами для первоначального найма и содержания воинских отрядов.

Однако самый блестящий титул получил тот, от кого Эдуард III совершенно не ожидал в ближайшем будущем какой-либо военной помощи: его сын был еще слишком мал для того, чтобы вести солдат в поход. Тем не менее, именно ему достался беспрецедентно щедрый дар. Осенью 1336 года скончался от лихорадки бездетный младший брат короля Джон Элтемский, граф Корнуоллский. Его обширный лен был возведен в ранг герцогства и пожалован наследнику трона. До тех пор в иерархии английского королевства герцогских титулов еще не было, самым высоким считался графский. Таким образом, Эдуард, граф Честерский, с 9 февраля 1337 года стал еще и герцогом Корнуоллским. Пышная церемония, сопровождавшая инвеституру, традиционно включала в себя посвящение в рыцари двадцати четырех юношей из самых благородных семейств.

Сразу после того, как Эдуард Вудстокский получил новый лен, выяснилось, что финансовые дела Корнуолла находились в весьма запутанном состоянии. Новоявленный герцог, правда, имел неоспоримое и нераздельное право на все, что выбрасывалось морем после кораблекрушений на побережье

герцогства. Но ведь не эта экзотическая привилегия служила основным источником дохода — таковым являлись оловянные копи. Однако оказалось, что значительная часть прибыли от них в размере 1000 марок ежегодно была отписана в пользу Уильяма Монтекьюта, графа Солсберийского. То есть, как минимум треть финансовых поступлений утекала мимо герцогской казны. И это не все: Томас Уэст, пожизненно назначенный на должность хранителя рудников Девона, требовал, чтобы ему по-прежнему продолжали выплачивать ежегодное жалование в размере 100 фунтов — в полном согласии с королевским обещанием.

Обо всем этом Эдуард III как-то не подумал, когда жаловал наследнику герцогство. Да и сам он не брезговал зачерпнуть при случае полной горстью из такого богатого источника, как Корнуолл. Например, спустя полгода после инвеституры сына король неожиданно отдал такой приказ: «Погасить... торговцам из компании Барди задолженность в 7200 фунтов из доходов от добычи олова в этом графстве... несмотря на королевское пожалование рудников и земель в графстве Корнуолл Эдуарду, его старшему сыну. Ибо король уже ранее был должен указанным торговцам 7200 фунтов, которые они предоставили по просьбе королевы Изабеллы и которые король обещал добросовестно им вернуть»⁹.

Конечно, герцогу Корнуоллскому по малолетству не было до финансовых вопросов никакого дела, однако король все-таки посчитал необходимым компенсировать ему потери из других источников. Он передал в распоряжение наследника доходы от городов Эксетер в графстве Девоншир и Уолингфорд в Беркшире, а также от манора Мер в графстве Уилтшир.

* * *

Вместо четы Сент-Омеров воспитанием подросткового наследника трона теперь занимался опытный наставник — Уолтер Бёрли, занимавший до этого должность подателя милостыни у королевы Филиппы. Он был лучшим другом

Ричарда Бери, воспитателя короля Эдуарда III, но теплое местечко при особе герцога Корнуоллского получил не только благодаря своим обширнейшим связям. Бёрли являлся выдающимся ученым — схоластом и логиком, светилом Оксфордского университета. Ему приписывается авторство более 50 работ. Интересно, что именно благодаря этому наставничеству увидел свет его самый известный труд — «Книга о жизни и нравах философов», содержащая около 120 коротких жизнеописаний философов и поэтов с кратким изложением их взглядов и представляющая таким образом популярно изложенную историю философии. Вне всякого сомнения, эта книга писалась именно для Эдуарда Вудстокского, хотя другие работы Бёрли — в частности, комментарии к Аристотелю — вряд ли предназначались его подопечному, который был слишком мал, чтобы должным образом их осмыслить.

Можно смело распрощаться с мифом о том, что Эдуард был всего лишь полуграмотным воякой. Благодаря своему учителю он получил систематическое и глубокое по тем временам образование, пусть даже впоследствии книги не особо его привлекали. Программа обучения включала в себя чтение, письмо, арифметику и латынь — все те предметы, знание которых было необходимо для государственного деятеля.

Нужно отметить, что со времен нормандского завоевания разные сословия Англии в прямом смысле говорили на разных языках. Ученые, клирики и судейские чиновники использовали латынь, знать предпочитала нормандско-французский, а англосаксонский оставался средством общения большинства — то есть простонародья. Однако именно в те годы наиболее активно шел процесс их смешения: обогащенный нормандскими и латинскими словами саксонский, теперь уже английский, язык становился общим для англичан. Эдуарду III хватило мудрости этому не препятствовать и даже способствовать, но его сын пока еще обучался всем трем языкам.

Науки Эдуард постигал вместе с родственником учителя Саймоном Бёрли и Роджером Мортимером, внуком казненного

фаворита, которые с тех пор стали его близкими друзьями. Учение давалось мальчику легко, и спустя некоторое время о нем вполне можно было сказать словами знаменитого английского поэта Джеффри Чосера, который писал про некоего королевского сына так:

Изрядно песни складывать умел,
Умел читать он, рисовать, писать,
На копьях биться, ловко танцевать¹⁰.

Стих Чосера применим к Эдуарду Вудстокскому полностью, до последней строчки. Герцог Корнуоллский не только постигал науки и овладевал умениями, необходимыми блестящему аристократу и придворному — король серьезно и осознанно готовил сына к военной стезе. Мальчик любил оружие и лично владел солидным арсеналом — в частности, у него был полный доспех с запасным шлемом-бацинетом и парусиновая палатка с центральным столбом. Вся амуниция, несмотря на свой небольшой размер, ни в коем разе не была игрушечной, а представляла собой настоящее боевое снаряжение, как у взрослых.

Король стремился вырастить из наследника настоящего рыцаря — доблестного солдата в дни войны, блестящего кавалера в дни мира. Поэтому Эдуард Вудстокский с малолетства купался в роскоши и приучился воспринимать окружающее его великолепие как норму. Для мальчика приобретались редкие украшения и одежды, за которыми порой приходилось посылать в другие страны. Несмотря на то, что герцог Корнуоллский имел собственные источники доходов, для него порой не жалели денег и из королевской казны. К примеру, в 1336 году королем был отдан такой приказ: «Казначею, баронам казначейства и камергерам. Приказываю выдать королевскому клерку Паоло де Монтефьоре 2000 марок дополнительно к той сумме, которую он уже должен казначейству по своему последнему счету. Ибо Паоло имеет поручение от короля — купить за рубежом и доставить без

задержки различные вещи в пределах суммы в 2000 марок для надобностей королевы Филиппы и Эдуарда, графа Честерского, королевского сына»¹¹.

Одевался Эдуард Вудстокский роскошно. Он носил алые шляпы, расшитые серебряными розами. Его широкий пояс был усеян 37 эмалированными бляшками и 234 жемчужинами. Апартаменты, которых у Эдуарда было несколько, включая городской дом в Лондоне, украшали искусно изготовленные гобелены с изображением роз, русалок, а также гербов самого герцога Корнуоллского.

* * *

По воле отца с раннего детства Эдуарду Вудстокскому приходилось принимать активное участие в государственных делах. Он часто выступал в качестве официального представителя короля на всевозможных торжественных церемониях. Так, в конце 1337 года именно ему было поручено возглавить делегацию по приему важных послов: Бертрана де Монфавеза, кардинала-дьякона Санта-Мария-ин-Аквиро, и Педро Гомеса Баррозо де Сотомайора, камерлинга коллегии кардиналов. Папа Бенедикт XII^[14] возложил на этих прелатов сложную задачу — предотвратить назревавшую войну между Францией и Англией. Облаченный в новую мантию из пурпурного бархата и алую шляпу с нашитым жемчугом, специально изготовленную для этого случая, Эдуард Вудстокский возглавлял пышную приветственную процессию из представителей высшей знати. Он встретил папских посланников в миле от лондонских ворот, а затем сопровождал их в столицу до самой дворцовой лестницы, где кардиналов ожидал король. На тот момент визит дипломатов, отряженных Святым Престолом, не позволил разразиться войне, хотя переговорщиками они были не самыми умелыми. Однако глубинные противоречия между Англией и Францией никуда не исчезли. Рано или поздно они должны были перерасти в открытое противостояние.